

УДК 911.3

А. Г. Дружинин^{1, 2, 3}

***Динамика численности населения
муниципальных образований Ростовской
области: типологическая поливариантность***

¹ ФГАОУ ВО Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

² ФГБУН Институт географии РАН, г. Москва

³ ФГБУН Институт народнохозяйственного прогнозирования
РАН, Москва

e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трендов и факторов динамики численности населения Ростовской области за последний межпереписной период (2010 – 2021 гг.) в разрезе отдельных муниципальных образований. Показано, что для подавляющей части территории региона имеют место проявления устойчивой депопуляции, а, наряду с дихотомией «город – село» и «центр – периферия», определённое влияние на геодемографические процессы оказывают природно-климатическая зональность (степень аридности), а также особенности локализации этнических диаспор. Выявлена превалирующая сопряжённость демографической динамики с масштабом и уровнем хозяйственного освоения территорий. Предложена адаптированная к условиям Ростовской области полифакторная демографо-экономическая типологизация муниципальных образований.

Ключевые слова: демографическая динамика, муниципальные образования, Ростовская область, экономическая типология, постсоветский период

Введение

Демографическая динамика, включая и её депопуляционную составляющую, существенна для современной России, относятся к числу фундаментальных, актуализованных для страны проблемных ситуаций и вызовов (в том числе экзистенциальных, геостратегических). Согласно Росстату, по ситуации на 2021 год (не учитывающей четыре новых российских региона с весьма неблагоприятным, усугубляемым военными действиями демографическим трендом) прирост численности населения имел место лишь в 18 субъектах Российской Федерации. К числу территорий с чётко проявившимся уже непосредственно в постсоветский период «демографическим сжатием» относится и Ростовская область: согласно переписям населения число её жителей в 1989 г. составляло 4309 тыс., в 2002 – 4404, а уже в 2010 г. – 4278 тыс. и в 2021 г. – 4201 тысяч. Цель статьи – анализ особенностей изменения численности населения Ростовской области в разрезе муниципальных образований за последний межпереписной период (2010-2021 гг.), выявление сопряжённости геодемографической ситуации с экономическим положением территорий, их этнокультурной, природно-климатической, политико-географической и селитебной спецификой (с обоснованием соответствующей демографо-экономической типологии).

Материалы и методы

Методологической базой проведённого анализа явились традиционные для отечественной общественной географии представления о необходимости (и приоритетности) фокусировки внимания на «низовом» (местном) уровне территориально-системной иерархии [2] и, соответственно, «миниатюризации» исследований [14], их «муниципализации» [8]. В инструментально-методическом отношении значимыми оказались разноплановые наработки в области социально-экономической типологии территорий [15] с акцентом на муниципальные образования [17, 18], ориентирующие на вычленение приоритетных параметров их группировки, в числе которых рассматривается прежде всего динамика численности населения [13]. Выстроенный на этой основе авторский подход учитывал и такие универсальные общественно-географические феномены как дихотомия «центр-периферия», а также «город-село» (активно осмысливаемые российскими географами [12, 16]). Его имплементация опиралась на уже ранее наработанный опыт оценки влияния на социально-экономическую динамику муниципалитетов, наряду с демографией, структурно-хозяйственных [1], природно-зональных, этнокультурных факторов [11], а также особенностей экономико-географического положения (включая «пристоличное» [19], приграничное [3], приморское [6] и др.). Основу информационной базы исследования составили материалы Всероссийских переписей населения (2010 и 2021 гг.).

Результаты и обсуждение

Как свидетельствует проведённый анализ, за 2010-2021 гг. сокращение численности населения имело место в 10 из 12 городских округов Ростовской области, а также в 36 из 42 её сельских муниципальных районов. Напротив, позитивная демографическая динамика оказалась присуща лишь «столичному» г. Ростову-на-Дону и его «спутнику» - Батайску, а среди сельских территорий – также «пристоличным» Азовскому, Аксайскому, Мясниковскому и Неклиновскому сельским районам. Данная ситуация в целом отражает исторически сложившуюся (ещё со времён греческого Танаиса и ордынского Азака) и во многом обусловленную сочетанием общественно-географических и природных факторов концентрацию населения в устьевой части р. Дон: в пределах Ростовской и уже практически тяготеющей к ней Шахтинской агломерации сосредоточено 66 % всего населения региона. Именно в данном ареале (не превышающем 20 % территории Ростовской области) за последний межпереписной период население по всему кругу муниципалитетов несколько (на 2 %) увеличилось (общее сокращение по области – также 2 %). За пределами этого центрального (и примыкающего к нему) ареала численность населения сократилась на 8,5 %. Исключение в последнем случае составил лишь г. Волгодонск с Цимлянским и Волгодонским районами (как некий «квазипротивовес» Ростову, реально проявляющий себя субрегиональный центр области, сформированный в тренде индустриализации во второй половине прошлого столетия), где число жителей сократилось лишь на 0,7 %.

В пространственном социально-экономическом отношении Ростовскую область, ориентируясь, главным образом на специфику румбовых секторов,

принято структурировать на шесть «внутриобластных экономических районов» [20]. В интересах более детализированного (и адекватного, с учётом демографо-экономической ситуации) анализа регион стратифицирован нами не только по своим секторам, но и в соответствии с центро-периферийной спецификой. Авторская группировка муниципалитетов учитывала также миграционную привлекательность территории, а также уровень её экономического развития (индикатором выступили налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, свидетельствующие в том числе о концентрации мест приложения труда на той или иной территории и, соответственно, вовлечённости сопредельных муниципальных образований в процесс трудовой маятниковой миграции).

Логично, что позитивной динамикой демографического потенциала (в том числе и в связи с фактическим миграционным притоком) характеризуются муниципалитеты «центральной зоны» территориальной социально-экономической системы области, а также некоторые тяготеющие к ним полупериферийные сельские территории (таблица).

Таблица

Типологические пространственные группировки муниципальных образований Ростовской области на основе учёта динамики численности населения за 2010-2021 гг.*

	Изменение численности населения муниципальных образований							
	Рост численности		Незначительное сокращение (до 4 %)		Умеренное сокращение (4-7 %)		Интенсивное сокращение (более 7 %)	
	МП**	МО	МП	МО	МП	МО	МП	МО
«Центральная зона» области с тяготеющей агломерированной полупериферией-периферией								
Ядро Ростовской агломерации	<u>Ростов-на-Дону</u> ; Батайск; Азовский, <u>Аксацкий</u> ² Мясниковский		Новочеркасск	Азов				
Периферия Ростовской агломерации						Кагальницкий		<u>Куйбышевский</u> , Родионово-Несветайский
Таганрогская субагломерация	Неклиновский				<u>Таганрог</u>	Матвеево-Курганский		
Шахтинская субагломерация			Октябрьский		Шахты			Красносулинский
Обособленный от центральной зоны области «второй центр» (полупериферия)								
Волгодонская агломерация	<u>Волгодонск</u> <u>кой</u>			Волгодонск				
«Срединная» для территории области полупериферия-периферия								
Ростовско-Волгодонское межагломерационное				<u>Мартыновский</u>		<u>Багаевский</u> <u>й</u> , Константиновский,		Веселовский, Семикаракорский

пространство						<u>Усть-Донецкий</u>		
Центрально-западный субрегион					Донецк			Гуково; Зверево; Каменск-Шахтинский, Белокалитвенский, Каменский
Периферийные территории								
Север						Шолоховский		Боковский; <u>Верхнедонецкий</u> ; Кашарский, Чертковский
Северо-восток								Милютинский, Морозовский, <u>Обливский</u> , Советский, Тащинский
Северо-запад						Миллеровский		Тарасовский
Юго-восток								<u>Дубовский</u> , Заветинский, Орловский, Зимовниковский, Ремонтненский
Юг				Сальский				<u>Егорлыкский</u> , <u>Зерноградский</u> , Песчанокопский, Пролетарский, <u>Целинский</u>

* составлено автором по данным Росстата

** МП – в целом миграционно привлекательные; МО – преобладающий миграционный отток

*** среднедушевые налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей: % от среднего по Ростовской области (без Ростова-на-Дону): **высокие** (150-200 %), **повышенные** (110 – 150 %), средние (90-110 %), *ниже среднего* (70-90 %), *существенно ниже среднего* (40-70 %)

Миграционный отток и депопуляция (стимулируемая в том числе пониженным уровнем экономического развития, ситуацией территориально-хозяйственной сверхконцентрации, когда 47 % всех налогооблагаемых доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей приходится непосредственно на Ростов-на-Дону) – присущи, соответственно, муниципалитетам обширной периферии (на севере, северо-востоке, юго-востоке, юге, северо-западе и, наконец, в географическом центре области, в ростовско-волгодонском межагломерационном пространстве). Данная пространственная архитектура является весьма чётко выраженной и в целом устойчивой, но её детализация предполагает учёт ряда ситуационных нюансов, в том числе проявившихся непосредственно в последние 4 – 5 лет.

Во-первых, демографический рост (в рамках агломерационных процессов) оказался присущ в том числе «полугородской» местности ряда сельских административных районов (Октябрьский, Неклиновский), контрастируя со стагнацией отчасти «центральных» для них городов (Таганрога, Шахт, Новочеркаска).

Во-вторых, в последние несколько лет наметился рост миграционной привлекательности не только сельских пригородов областной столицы, но и целого ряда других муниципальных образований, причём приуроченных к самым разным субрегионам Ростовской области (районы Кагальницкий, Красносулинский, Мартыновский и др.). Всего же «перелом» миграционного тренда с негативного на прирост населения, на привлекательность территории для мигрантов, в той или иной степени оказался характерен для 15 сельских административных районов области, а также Таганрога. И напротив, в пяти городских муниципальных округах обозначилось снижение миграционной привлекательности (фактическое отрицательное сальдо миграции): в Азове, Батайске, Волгодонске, а также Шахтах и Ростове-на-Дону (в двух последних – в 2022 году).

Имеет место, очевидно, некоторая межмуниципальная демографическая перебалансировка, связанная как с более благоприятными экономическими возможностями для населения в контуре расширяющегося «центрального ядра» области, вдоль стержневой для неё в транспортно-логистическом отношении автомагистрали М4 «Дон», так и с образовавшимся ранее относительным «демографическим вакуумом» на периферии (в таких, к примеру, районах как Советский, со всего 5,9 тыс. жителей, характеризующимся минимальной по области плотностью населения, утратившего за 2010-2021 гг. почти 11 % своего бывшего демографического потенциала). Система «демография – экономика» (а наряду с ней и сельско-городской континуум) упорядочивается, выталкивая «лишнее» население, либо, напротив, продуцируя дополнительный миграционный приток. Следует отметить, при этом, что повышенные доходы отнюдь не во всех случаях присущи территориям с демографическим ростом (полупустынный, овцеводческий по своей специализации юго-восток региона демонстрирует обратное), но способны скорректировать миграционный тренд (что вполне характерно для Таганрога, ставшего с 2016 года миграционно привлекательным).

В-третьих, определённую демографическую специфику являют муниципалитеты с весомой иноэтнической составляющей, причём, наиболее явно (без искажений пристольного положения) – Мартыновский район, где до четверти населения [4, 7] составляют этнические турки.

В-четвёртых, для Ростовской области (её демографо-экономической типологии) существенны диспропорции по оси «север-юг» (как частная иллюстрация общего «южного вектора» в пространственном развитии современной России [10]): различия в агропотенциале при прочих равных условиях обеспечивают практическое удвоение плотности населения при продвижении с севера области (Шелуховский, Чертковский районы и др.) к её югу (зона тяготения Сальска).

В-пятых, в регионе, весь постсоветский период (вплоть до октября 2022 года) являвшимся приграничным [5], а ныне – сопредельным с новыми российскими территориями (с присущей им особой военно-политической и социально-экономической ситуацией [9]), при демографо-экономической типологии лишь в локальных ситуациях «считывается» политико-географический (геополитический) фактор. К бывшей границе Украины выходили 3 городских округа области и 9 её

муниципальных районов (в сумме это 19 % территории области, 12 % её населения и 7 % её экономического потенциала). Все без исключения территории в этой группировке испытали депопуляцию при очевидном «разбросе» по доходам населения от хозяйственной активности и параметру сальдо миграции (резкий рост миграционной привлекательности имел место в 2022 г. в Матвеево-Курганском районе, что сложно объяснить лишь влиянием «фактора СВО»).

Выводы

Внутрирегиональное пространство чрезвычайно «мозаично», в том числе и в своём демографо-экономическом аспекте, что наглядно иллюстрирует аналитика по Ростовской области. Вне депопуляционного процесса в крайний межпереписной период (2010-2021 гг.) в её пределах оставалась малочисленная типологическая группа муниципальных образований, в своей совокупности диагностируемых в качестве «центральной», наиболее освоенной в хозяйственном и селитебном отношении части региона. Периферия же, при всей её географической и социально-экономической разнородности, в целом (на фоне обозначившегося с 2015-16 гг. некоторого миграционного «перетока» в пользу отдельных периферийно-полупериферийных территорий) продолжает утрачивать свой демографический потенциал, а, тем самым, и какую-либо дополнительную возможность опережающего экономического развития (вне реализации новых сверхкрупных производственных либо инфраструктурных проектов). Именно сложившаяся, устойчивая центрo-периферийная система (подкрепляемая неравномерностью доходов населения от хозяйственной деятельности) выступает основным, базовым фактором демографической динамики (в том числе и миграции). Она коррелирует с градиентом агропотенциала (благодаря различиям в степени аридности климата сложившимся в Ростовской области по осям «запад – восток» и «север-юг») и отчасти корректируется локализацией этнических диаспор.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Литература

1. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Типология сельских населённых пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2017. №6. С.55-61
2. Бакланов П. Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия РАН. Серия географическая. 2013, № 5, С. 7–18
3. Бакланов П. Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Региональные исследования. 2014. № 2. С. 4-10

4. Дружинин А. Г. Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 78-85
5. Дружинин А. Г. Ростовская область: «прифронтовой регион»? // Россия – 2016. Ежегодный доклад. Франко-российский аналитический центр «Обсерво». Париж. 2016. С. 397-406.
6. Дружинин А. Г., Лялина А. В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 20-35
7. Дружинин А. Г. Основные особенности трансформации этнической структуры сельских территорий Ростовской области в XX — начале XXI века // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7, № 3. С. 34-44
8. Дружинин А. Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. № 2(61). С. 17–33
9. Дружинин А. Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 62-74
10. Дружинин А.Г., Кузнецова О. В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 5–26
11. Имангулов Л. Г., Максименко М. Р., Савоскул М. С., Сафронов С. Г. Влияние этнокультурного фактора на эволюцию сельского расселения на примере полиэтничных районов Башкирии и Марий Эл // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2021. № 1. С. 109-119
12. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Сер. Географическая. 2012. № 6. С. 23-34
13. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центро-периферийной концепции пространственного развития // Региональные исследования. 2010. № 3. С. 69-83
14. Котляков В. М. Географическая наука на пороге 90-х годов // Известия РАН. Серия географическая. 1990. № 4. С. 5-16
15. Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2014. 3 2. С. 3 – 8
16. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42-57
17. Наумов А. С., Рубанов И. И., Аблязина Н. Х. Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2021. № 4. С. 12-24
18. Ромашина А. А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42-52.
19. Яськова Т. И. Типология районов Смоленской области по положению в системе пространственных отношений «столица – пристоличный регион» // Региональные исследования. 2013. 3 3. С. 137-146
20. «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года» В редакции постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752 [Электронный документ]. Режим доступа: <http://мининформсвязь.ростовская-область.рф/>.

A. G. Druzhinin

Population dynamics of municipalities of the Rostov region: typological multivariance

¹ Southern Federal University,
Rostov-on-Don

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

³ Institute of National Economic Forecasting of the Russian
Academy of Sciences, Moscow

e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of factors and trends in the dynamics of the population of the Rostov region for the post-Soviet period in the context of individual municipalities. It is shown that for the vast majority of the territory of the region, manifestations of stable depopulation are inherent, and, along with the dichotomy "city – village" and "center – periphery", the influence on geodemographic processes is exerted by natural and climatic zonality (degree of aridity), as well as the localization features of specific ethnic diasporas. The prevailing correlation of demographic dynamics with the scale and level of economic development of territories is revealed. A multifactorial, demographic and economic typologization of municipalities is proposed.*

Keywords: *demographic dynamics, municipalities, Rostov region, typological specifics, post-Soviet period*

References

1. Alekseev A. I., Safronov S. G. Typology of rural settlements of the European part of Russia in the modern demographic and socio-economic situation // Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya. 2017. № 6. S. 55-61 (in Russian)
2. Baklanov P. Ya. Approaches and basic principles of structuring geographical space // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2013, № 5, s. 7–18 (in Russian)
3. Baklanov P. Ya. Geographical and geopolitical factors in regional development // Regional'nye issledovaniya. 2014. № 2. S. 4-10. (in Russian)
4. Druzhinin A. G. Ethnodemographic transformations in the central-peripheral structure of the Rostov region (post-Soviet trends) // Regional'nye issledovaniya. 2015. № 3 (49). S. 78-85. (in Russian)
5. Druzhinin A. G. Rostov region: "frontline region"? // Rossiya – 2016. Ezhegodnyj doklad. Franko-rossijskij analiticheskij centr «Observo». Parizh. 2016. S. 397-406. (in Russian)
6. Druzhinin A. G., Lyalina A. V. Primorsky municipalities of Russia: conceptualization, identification, typologization // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2020. T. 6 (16). № 2. S. 20-35. (in Russian)
7. Druzhinin A. G. The main features of the transformation of the ethnic structure of rural territories of the Rostov region in the XX — early XXI century // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2021. T. 7, № 3. S. 34-44. (in Russ.)
8. Druzhinin A. G. Development of Russian Human Geography: modern challenges and experience of the past // Geograficheskij vestnik. 2022. № 2(61). S. 17–33. (in Russian)

9. Druzhinin A. G. New subjects of the Russian Federation: specifics, trends, development potential // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2022. № 4. S. 62-74. (in Russian)
10. Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. The Southern vector in the spatial development of post-Soviet Russia // Federalizm. 2023. T. 28. № 2 (110). S. 5–26. (in Russian)
11. Imangulov L.G., Maksimenko M.R., Savoskul M.S., Safronov S.G. The influence of the ethno-cultural factor on the evolution of rural settlement on the example of polyethnic regions of Bashkiria and Mari El // Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya. 2021. № 1. S. 109-119. (in Russian)
12. Kaganskij V. L. Inner periphery – a new growing zone of the cultural landscape of Russia // Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya. 2012. № 6. S. 23-34. (in Russian)
13. Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Population dynamics of municipalities of the Russian Federation as a reflection of the central-peripheral concept of spatial development // Regional'nye issledovaniya. 2010. № 3. S. 69-83. (in Russian)
14. Kotlyakov V. M. Geographical science on the threshold of the 90s // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1990. № 4. S. 5-16. (in Russian)
15. Kuznetsova O. V. Typology of factors of socio-economic development of the regions of Russia // Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya. 2014. 3 2. S. 3-8. (in Russian)
16. Nefedova T.G., Trejvish A.I. Cities and countryside: state and correlation in the space of Russia // Regional'nye issledovaniya. 2010. № 2. S. 42-57. (in Russian)
17. Naumov A. S., Rubanov I. I., Ablyazina N.H. New approaches to the typology of rural territories of Russia // Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya. 2021. № 4. S. 12-24. (in Russian)
18. Romashina A. A. Typology of Russian municipalities by specialization of economy and position in the settlement system // Regional'nye issledovaniya. 2019. № 3. S. 42-52. (in Russian)
19. Yas'kova T. I. Typology of districts of the Smolensk region according to the position in the system of spatial relations "capital – capital region" // Regional'nye issledovaniya. 2013. 3 3. S. 137-146. (in Russian)
20. «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года» В редакции постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752 [Электронный документ]. Режим доступа: <http://мининформсвязь.ростовская-область.рф/>.

Поступила в редакцию 01.08.2023 г.